

РЕШЕНИЕ
Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
по дисциплинарному производству № в отношении
адвоката В.

12.03.2026

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе президента АП СПб Тенишева В.Ш. (председатель), вице-президентов Саськова К.Ю., Пановой В.С., членов Совета Зеленского А.В., Ибряновой Г.А., Кониной Н.Н., Краузе С.В., Манкевича А.Е., Морозова М.А., Пашинского М.Л., Передрука А.Д., Пономаревой Н.В., Розова Ю.В., в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА), рассмотрев 12.03.2026 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката **В.** (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов), возбуждённое 01.09.2025 президентом Адвокатской палаты Санкт-Петербурга Тенишевым В.Ш.,

установил:

поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката В. послужила жалоба К.Е.В., поступившая в АП СПб 29.08.2025; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 08.09.2025.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 06.11.2025 в действиях (бездействии) адвоката В. отсутствуют нарушения норм профессиональной этики и законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Квалифкомиссией рассмотрены две жалобы заявителя К.Е.В., которые в совокупности содержали следующие основные претензии к адвокату В.

По первой жалобе от 29.08.2025:

- пассивная позиция адвоката В. и неспособность доказать незаконность продления меры пресечения в виде домашнего ареста;
- адвокат не довёл до суда информацию о том, что свидетель Ч.Р.В. якобы оговаривает К.Е.В., не представил доказательств этого;
- адвокат не довёл до суда факты процессуальных нарушений на стадии следствия (влекущих, по мнению заявителя, прекращение уголовного дела) и не заявил о «порочности» показаний свидетеля;
- адвокат не направил адвокатские запросы в МВД;
- адвокат не реагировал на нарушения Конституции Российской Федерации и УПК РФ со стороны председательствующего и государственного обвинителя;

- адвокат неожиданно ушёл в отпуск, что заявитель К.Е.В. расценила как скрытый отказ от защиты.

По второй жалобе от 05.10.2025:

- 03.09.2025 адвокат фактически не участвовал в исследовании доказательств, представленных стороной обвинения, не обратил внимание на процессуальные нарушения, допущенные стороной обвинения при собирании и закреплении доказательств. Бездействие адвоката повлекло за собой утрату возможности заявить о недопустимости части представленных доказательств;
- адвокат не разъяснил последствия согласия на оглашение показаний свидетеля (отца К.Е.В.), из-за чего заявитель согласилась на это, испугавшись привода свидетеля;
- адвокат задал только один вопрос свидетелю В.Г.А., не поддержал заявителя при конфликте с судом;
- адвокат не обратил внимания на ошибку во времени судебного заседания;
- адвокат не планировал представлять доказательства защиты;
- адвокат проявил неуважительное отношение, а именно тяжело вздыхал, смотрел на часы, демонстрировал поведение, называемое «испанским стыдом», когда К.Е.В. заявляла ходатайства;
- адвокат не общался со своей подзащитной К.Е.В. и, наоборот, постоянно общался с представителем потерпевшего;
- адвокат поддержал решение суда об отложении судебного заседания из-за опоздания К.Е.В., хотя она считала причиной неготовность прокурора; после заседания адвокат оставался с судьей наедине.

Квалифкомиссия пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката В. вследствие отсутствия в его действиях нарушений норм профессиональной этики и законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Заключение Квалифкомиссии основано на следующих доводах.

В силу презумпции добросовестности адвоката, обязанность доказывания допущенных нарушений лежит на заявителе. К.Е.В. не представила бесспорных доказательств (например, протокол судебного заседания), а её доводы Квалифкомиссия посчитала неконкретными и эмоциональными.

Квалифкомиссия также обратила внимание на то, что адвокат обязан соблюдать закон и этику, а требование доверителя о «жёстких репликах» противоречит обязанности адвоката быть корректным с судом и участниками процесса.

Оценивая доводы заявителя о том, что адвокат «занимал пассивную позицию, не сумел доказать незаконность продления меры пресечения», Квалифкомиссия отметила, что само по себе продление меры пресечения не свидетельствует о пассивности адвоката, при этом последний обжаловал постановление суда, подав апелляционную жалобу.

Квалифкомиссия констатировала, что утверждения заявителя о невыполненных адвокатом В. действиях, согласованных с доверителем, невозможно проверить без исследования протокола судебного заседания, который стороны не представили.

Квалифкомиссия обратила внимание на то, что утверждения заявителя об «оговоре» её свидетелем голословны, а адвокат не должен бездоказательно порочить свидетелей, предупреждённых об ответственности за дачу заведомо ложных показаний.

Утверждение заявителя о том, что адвокат допустил нарушения норм КПЭА, не направив запросы в правоохранительные органы, не свидетельствует о допущенном дисциплинарном проступке постольку, поскольку направление запросов без возникшей на то необходимости свидетельствовало бы об имитации адвокатом деятельности по осуществлению защиты, что поставило бы под сомнение компетентность адвоката как независимого советника по правовым вопросам.

В свою очередь, уход адвоката в отпуск не является отказом от защиты, тем более что в этот период судебные заседания не назначались. Действующее законодательство и нормы КПЭА не обязывают адвоката согласовывать отпуск с доверителем.

Выбор адвокатом-защитником момента для заявления ходатайств (о недопустимости доказательств, об исследовании материалов) является тактикой адвоката, и такие ходатайства могут быть заявлены в процессе всего судебного разбирательства, до удаления суда в совещательную комнату. При этом доверитель не была лишена возможности заявить ходатайства, если считала это необходимым.

Участники дисциплинарного производства в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 24 КПЭА, письменных заявлений о несогласии с заключением Квалифкомиссии или его поддержке в Совет АП СПб не направили.

Участники дисциплинарного производства извещены о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 12.03.2026 надлежащим образом, на заседание не явились, представителей не направили, об отложении слушания дела не ходатайствовали.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, изучив заключение Квалифкомиссии, **Совет АП СПб полностью соглашается с выводами Квалифкомиссии**, поскольку они основаны на правильно, полно, всесторонне и достоверно установленных обстоятельствах дела, которым дана верная юридическая оценка.

Анализ дисциплинарных претензий, приведённых в жалобах К.Е.В., не позволяет сделать обоснованный вывод о наличии в действиях (бездействии) адвоката В. нарушений норм КПЭА и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре).

Адвокат несёт дисциплинарную ответственность за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей (п. 1 ст. 8 КПЭА).

В соответствии с п. 1 ст. 2 Закон об адвокатуре адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам. Действуя в этом статусе, он самостоятельно определяет круг юридически значимых действий, которые следует совершить в интересах доверителя при оказании ему юридической помощи. По этой причине избранные адвокатом стратегия и тактика ведения дела не могут служить

основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности при отсутствии явных профессиональных ошибок, повлекших причинение доверителю существенного материального ущерба и (или) лишивших его возможности защиты принадлежащего права какими-либо иными способами и средствами.

Иными словами, действия адвоката, как лица, в силу своего статуса являющегося профессионалом по вопросам правового консультирования и судебного представительства, могут быть объективно оценены только с точки зрения их соответствия требованиям процессуальных кодексов и императивным нормам законодательства, которым эти действия, во всяком случае, не могут противоречить.

Выбор тактики защиты относится к профессиональной компетенции адвоката и не может быть предметом дисциплинарной оценки при отсутствии явных профессиональных ошибок, повлекших причинение доверителю существенного материального ущерба и (или) лишивших его возможности защиты принадлежащего права какими-либо иными способами и средствами.

При рассмотрении дисциплинарного производства, носящего публично-правовой характер, необходимо исходить из презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя (участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности), который должен доказать те обстоятельства, на которые ссылается как на основания своих требований.

В жалобе от 29.08.2025 К.Е.В. полагает, что адвокатом В. были допущены нарушения, выразившиеся в занятии пассивной позиции и неспособности доказать незаконность продления меры пресечения, однако рассуждения о незаконности продления судом меры пресечения в виде домашнего ареста, и о том, что адвокат не сумел доказать её незаконность, не свидетельствуют о том, что в действиях (бездействии) адвоката В. содержатся нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также КПЭА.

Совет АП СПб обращает внимание на то, что само по себе недостижение адвокатом ожидаемого доверителем результата исполнения поручения не является основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности.

Относительно дисциплинарной претензии о том, что при допросе свидетеля Ч.Р.В. адвокат В. не довёл до сведения суда об умышленном оговоре и не представил доказательств, Совет АП СПб отмечает, что свидетель, в силу ст. 56 УПК РФ, является независимым участником процесса, несёт ответственность за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 УК РФ, и перед допросом предупреждается об этом судом, а для утверждения о недобросовестности показаний свидетеля адвокат должен располагать достаточными основаниями, подкреплёнными достоверными фактами – одни лишь голословные утверждения о недобросовестности свидетеля могут свидетельствовать лишь об умалении чести и достоинства свидетеля, а также подвергнуть сомнению авторитет адвоката в глазах участников уголовного судопроизводства.

Совет АП СПб разделяет мнение Квалифкомиссии в том, что доводы заявителя К.Е.В. о том, что адвокат В. не выполнил согласованные с ней действия по доведению до суда сведений о процессуальных нарушениях на стадии предварительного расследования, не могут быть оценены без исследования протокола судебного заседания, который сторонами дисциплинарного производства не представлен. При этом каких-либо иных доказательств, подтверждающих приведённые выше дисциплинарные претензии, заявителем также не представлено.

Совет АП СПб соглашается с Квалифкомиссией в том, что утверждение заявителя о нарушении КПЭА в связи с ненаправлением адвокатом В. запросов в территориальное подразделение МВД России не свидетельствует о допущенном адвокатом нарушении постольку, поскольку с учётом сложившейся по делу ситуации ответы на запросы не несли полезной информации и не были необходимы для осуществления защиты, а направление запросов без необходимости свидетельствовало бы об имитации адвокатом деятельности и ставило бы под сомнение его компетентность.

Утверждение заявителя К.Е.В. о том, что адвокат В. не реагировал на нарушения, допущенные судьёй и государственным обвинителем, не пресекал действий по нарушению прав К.Е.В., в том числе связанных с отложением судебных заседаний из-за неявки свидетелей, не свидетельствует о дисциплинарном проступке адвоката В., поскольку в жалобе не конкретизировано, в чём именно заключались нарушения председательствующего по делу судьи и государственного обвинителя, каких именно норм закона, в чём это выражалось, какие именно права К.Е.В. были нарушены.

Конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении, исходя из презумпции добросовестности адвоката при осуществлении им своих полномочий.

Учитывая отсутствие в материалах дисциплинарного производства сведений о ненадлежащем оказании юридической помощи, Совет АП СПб приходит к выводу о том, что указанные обстоятельства подлежат доказыванию заявителем К.Е.В., чего ею сделано не было.

Утверждение о нарушении КПЭА в связи с уходом адвоката В. в отпуск неожиданно для К.Е.В., что она расценила как действия, направленные на прекращение защиты, равным образом не свидетельствует о совершении адвокатом дисциплинарного проступка, так как адвокат имеет право на ежегодный отпуск, а законодательство не обязывает согласовывать отпуск с доверителем. При этом Квалифкомиссия справедливо заметила, что в период нахождения адвоката В. в отпуске судебные заседания по делу не назначались и не проводились.

В жалобе от 05.10.2025 К.Е.В. приводит довод о том, что 03.09.2025 при представлении государственным обвинителем письменных доказательств адвокат В. фактически не участвовал в их исследовании, не обратил внимание на процессуальные нарушения, допущенные стороной обвинения при собирании и закреплении доказательств, и его бездействие повлекло утрату возможности заявления о недопустимости части доказательств. Однако данный довод не основан на законе, поскольку сторона защиты не лишена права вновь исследовать эти доказательства и заявить ходатайство о признании их недопустимыми на протяжении всего судебного разбирательства до удаления суда в совещательную комнату, а подсудимая К.Е.В. была вправе самостоятельно заявить такое ходатайство, но не сделала этого.

Довод о том, что она была вынуждена выразить согласие на оглашение показаний свидетеля со стороны обвинения К.В.А. (её отца), данных на предварительном следствии, в связи с угрозой его принудительного доставления в суд, равным образом не свидетельствует о допущенных адвокатом В. нарушениях.

Довод заявителя К.Е.В. о том, что адвокат В. не обратил внимание суда на разнотечение времени назначения судебного заседания 09.09.2025 (14 час. 30 мин. и 15 час. 00 мин.), не может быть принят во внимание, поскольку данное разнотечение не повлекло каких-либо негативных последствий для интересов подсудимой.

Довод о том, что в судебном заседании 09.09.2025, несмотря на наступление очереди предоставлять доказательства стороне защиты, адвокат не собирался ничего предоставлять суду, опровергается утверждением адвоката В., согласно которому он планировал начать исследовать материалы уголовного дела.

Утверждение о том, что адвокат В. согласился с отложением судебного заседания в связи с опозданием К.Е.В. и не сделал ничего, чтобы внести в карточку дела на сайте суда и в протокол судебного заседания истинную причину отложения (неготовность государственного обвинителя), не может быть оценено с позиции наличия либо отсутствия дисциплинарного нарушения, поскольку адвокат лишён возможности вносить исправления в информацию на сайте суда, а в связи с отложением судебного заседания протокол не вёлся, поэтому у адвоката отсутствовала возможность внести какие-либо сведения в протокол или принести замечания на протокол судебного заседания, при этом подсудимая не была лишена права самостоятельно обратиться к председателю Красногвардейского районного суда Санкт-Петербурга по вопросу размещения недостоверной информации на сайте суда.

По мнению Совета АП СПб, доказательств, подтверждающих выдвинутые дисциплинарные обвинения, не представлено, в связи с чем Совет АП СПб приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката В. также не опровергнута.

Таким образом, Совет АП СПб полностью разделяет выводы Квалифкомиссии об отсутствии сведений о нарушении адвокатом В. законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также КПЭА, признаёт эти выводы убедительными и достаточно аргументированными, основанными на полном и всестороннем анализе доводов сторон, имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательств и действующего законодательства, регулирующего спорные правоотношения.

Совет АП СПб считает заключение Квалифкомиссии соответствующим требованиям КПЭА и достаточным для принятия Советом законного решения по дисциплинарному производству.

Согласно подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА: *«Совет вправе принять по дисциплинарному производству ... решение о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) настоящего Кодекса либо вследствие надлежащего исполнения им своих обязанностей перед доверителем или адвокатской палатой, на основании заключения комиссии или вопреки ему, если фактические обстоятельства комиссией установлены правильно, но ею сделана ошибка в правовой оценке деяния адвоката или толковании закона и настоящего Кодекса.»*

С учётом указанных обстоятельств Совет АП СПб полагает необходимым прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката В. по основаниям, предусмотренным подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **единогласно**

решил:

прекратить дисциплинарное производство № в отношении адвоката В. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов) вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

Президент

Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.